

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
Институт археологии и культурного наследия

«ОТ КАВКАЗА ДО ДУНАЯ»:
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Сборник научных трудов к 70-летию
профессора Сергея Юрьевича Монахова

Саратов
2022

УДК [94+902](4-11)|652|+929Монахов
ББК 63.3(45)+63.4(45)
О 80

Главный редактор:
д-р ист. наук А.П. Медведев (Воронеж)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук А.Ю. Алексеев (Санкт-Петербург),
д-р ист. наук Ю.А. Виноградов (Санкт-Петербург),
канд. ист. наук Е.В. Кузнецова (Саратов),
канд. ист. наук И.И. Марченко (Краснодар),
канд. ист. наук Д.Е. Чистов (Санкт-Петербург),
канд. ист. наук Н.Б. Чурекова (Саратов)

Editor-in-Chief:
Prof. A.P. Medvedev (Voronezh)

Editorial Board:
Prof. A.Yu. Alekseev (Saint-Petersburg), Prof. Yu.A. Vinogradov (Saint-Petersburg),
Dr. D.E. Chistov (St. Petersburg), Dr. N.B. Churekova (Saratov),
Dr. E.V. Kuznetsova (Saratov), Dr. I.I. Marchenko (Krasnodar)

О 80 **«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху.** Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова. – Саратов: Амирит, 2022. – 496 с.

“From the Caucasus to the Danube”: the Northern Black Sea Region in antiquity. Collection of scientific papers dedicated to the 70th anniversary of Professor S.Yu. Monakhov. Saratov: Amirit, 2022. – 496 p.

ISBN 978-5-00207-045-9

Данный сборник объединяет научные статьи, затрагивающие вопросы происхождения, хронологии и распространения античных импортов, обнаруженных при раскопках греческих и варварских памятников широкого географического ареала – от предгорий Кавказа до Дуная, и далее на запад – до Том и Восточных Карпат; от Южного Причерноморья до Среднего Дона. Отдельный блок составляют работы, освещающие сложности локализации некоторых серий остродонных амфор и клейм. Важную часть сборника занимают статьи по вопросам «малой» эпиграфики: граффити и клейм.

Сборник посвящен 70-летию признанного авторитета отечественного антиковедения, крупного специалиста в области изучения тарных амфор – Сергея Юрьевича Монахова.

В оформлении обложки использована репродукция карты “Nova et accurata Tartariae Europae seu Minoris et in specie Crimeae Delineatio Geographica, cum omnibus circa Pontum Euxinum et Paludem Maeotidem jacentibus Provinciis, manu et sumtibus Matthae Seutteri” из свободного источника.

Рецензенты:
доктор исторических наук *М.Г. Абрамзон*
кандидат исторических наук *Б.А. Раев*

УДК [94+902](4-11)|652|+929Монахов
ББК 63.3(45)+63.4(45)

ISBN 978-5-00207-045-9

© Саратовский государственный
университет, 2022

Е.В. Кузнецова,
Н.Б. Чурекова¹

**АНТИЧНОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «ТАМАНЬ 3»:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015–2021 гг.**

Аннотация: в статье рассказывается о предварительных результатах исследования античного сельского поселения Тамань 3. Памятник известен с начала XX столетия, небольшие работы на нём проводились отрядом в составе экспедиции В.Д. Блаватского, однако начало систематического изучения относится к 2007 г. С 2015 г. поселение исследуется отрядом Саратовского госуниверситета. На сегодняшний день раскопки закладывались на трех разных участках памятника. В статье дается их характеристика, приводится общая статистика находок по условным хронологическим срезам. Анализ материала позволяет говорить о том, что поселение начинает функционировать не позднее второй четверти – середины VI в. до н.э. Наибольшее число находок на исследованной территории памятника относится к V в. до н.э. Значительное количество найденных фрагментов датируется периодом с I в. до н.э. до IV в. н.э. Встречены здесь и средневековые материалы, однако их доля невелика.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, сельское поселение, греческая колонизация, керамика, амфоры.

E.V. Kuznetsova,
N.B. Churekova¹

**THE ANCIENT RURAL SETTLEMENT OF “TAMAN 3”:
THE PRELIMINARY RESULTS OF RESEARCH 2015–2021**

Abstract: the article describes the preliminary results of the study of the ancient rural settlement of Taman 3. The monument has been known since the beginning of the 20th century, work on it was carried out by a detachment as part of the expedition of V.D. Blavatsky, but the beginning of systematic study dates back to 2007. Since 2015, the settlement has been investigated by a detachment of Saratov State University. To date, the excavations have been divided into three different parts of the monument. The article gives their characteristics, provides general statistics of finds on conditional chronological sections. The analysis of the material allows us to say that the settlement begins to function no later than the second quarter – the middle of the 6th century BC. The largest number of finds on the studied territory of the monument belongs to the 5th century BC. A significant number of fragments found dates from the period from the 1st century BC to the 4th century AD. Medieval materials are also found here, however, their share is small.

Keywords: Asian Bosphorus, rural settlement, Greek colonization, ceramics, amphorae.

Вот уже больше 40 лет античные археологические практики студентов Саратовского университета проводятся под руководством С.Ю. Монахова: Северо-Западный Крым, Березань, Тамань – десятки памятников исследовались с участием саратовцев, от крупных полисов типа Фанатории и Гермонассы до маленьких поселений, таких как Береговой 4 и Тамань 3. О последнем и пойдет речь в нашей статье.

Поселение Тамань 3 находится на берегу Таманского залива, на высокой немойтой террасе к востоку от станицы Тамань (рис. 1). Территория, занимаемая поселением, расположена на равнине, плавно повышающейся к югу, в сторону горы Карабетовой и горы Комендантской и прорезаемой в нескольких местах балками. В западной части памятника проходит глубокая балка Лисовицкого, заросшая густым камышом, что говорит о близости пресной воды. Эта балка разделяет поселение на две части. Северная граница неизвестна, т.к. находится под водами современ-

¹ Кузнецова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>.

Чурекова Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, nat-churekova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8531-1032>.

ного Таманского залива, что подтвердилось в результате небольших обследований дна на удалении не более ста метров от уреза воды, проводившихся в 2016 году по Открытому листу В.М. Петровского. Материалы и итоги работ пока не опубликованы.

Южная граница памятника, скорее всего, доходит до трассы Тамань-Сенной. Несколько лет назад южнее дороги проводились археологические исследования под руководством А.А. Горошникова, предвещающие реконструкцию водовода к ст. Тамань, которые точно подтвердили отсутствие культурного слоя южнее трассы (Горошников 2017)². С восточной стороны граница, вероятно, проходила по небольшой, в настоящее время распаханной балке, расположенной на расстоянии ок. 520 м от балки Лисовицкого и протянувшейся на юг приблизительно на 200 м. Большая часть памятника находится под пашней. В предыдущие годы, в разные периоды на этом месте разбивались фруктовый сад, виноградник, временами поле засеивалось зерновыми и подсолнечником (Сударев и др. 2014: 41). С северной и западной сторон поля посажены лесополосы из акаций.

На карте 1882 года, составленной Е.Д. Фелициным, в районе рассматриваемого памятника обозначены только группы курганов, расположенные вдоль дороги³. Впервые поселение Тамань 3 обозначено под номером VI на карте В.В. Соколова (Соколов 1919: карта; Тункина 2010: 75). К юго-западу, на левом берегу балки Лисовицкого он разместил «Древнее кладбище» (№ 19), отметив, что оно открыто счастливыми и не исследовалось (Соколов 1919: 51). Рядом отмечены два кургана – №№ 126, 127, раскопанные Археологической комиссией, но оказавшиеся разграбленными (Соколов 1919: 56). При этом К.К. Гёрц упоминает об изучении *пяти* курганов в урочище Каменный Мост (балка Лисовицкого) близ Тамани, которое было поручено войсковому старшине П.Д. Семеняке (Паромов 2019: 350). До настоящего времени точное местоположение некрополя не установлено. В 1929 г. поселение было нанесено на карту С.Ф. Войцеховского под № 47 с обозначением «следы античной культуры», затем отмечено на карте А.А. Миллера 1930–1931 гг. под № 38, где отнесено к «эллинистическому периоду» (Сударев и др. 2014: 41).

Первые археологические исследования памятника были проведены в 1952 г. Т.В. Блаватской в рамках работ Синдской экспедиции. По всей видимости, именно тогда появилось название поселения «Седьмой километр» (Блаватский 1959: 46–47, рис. 17 № 5). Результаты работ опубликованы не были, дана только общая характеристика памятника: поселение представляло собой «обычный поселок земледельцев» и было основано в VI в. до н.э., интенсивная жизнь прослеживается в периоды с конца VI–V вв. до н.э. и III–II вв. до н.э. Среди занятий местного населения В.Д. Блаватский выделяет хлебопашество и, предположительно, виноградарство (Блаватский 1959: 47–48). Также он отмечает и находки ткацких пряслиц, подразумевая наличие домашнего ремесла, а наряду с этим говорит и о развитии гончарного и кузнечного производства (Блаватский 1959: 48). К сожалению, отсутствие иллюстраций не позволяет понять, на каких именно находках основано такое предположение. В целом, В.Д. Блаватский отмечает, что облик поселения «Седьмой километр» не выделяется среди прочих боспорских городов, отличие состоит только лишь в бедности городских напластований, что относится и к количеству, и к качеству находок, особо он отмечает почти полное отсутствие граффити.

Интересно, что по представлению В.Д. Блаватского поселение «Седьмой километр» по своему облику однотипно поселениям «Десятый километр» и «Двенадцатый километр», которые, судя по его карте (Блаватский 1959: 46–47, рис. 17 № 5, 10, 11), находятся на примерно одинаковом расстоянии друг от друга на восток, в сторону Фанагории, однако возникновение этих поселений он относит к разному времени: «Двенадцатый километр» к III в. до н.э., а «Десятый километр» и вовсе к III в. н.э. (Блаватский 1959: 47).

² Мы искренне благодарны А.А. Горошникову и Б.А. Раеву за предоставленную информацию.

³ http://www.etomesto.ru/map-kuban_1882-felicyn-arheo/.

В последующие годы исследования на памятнике не проводились. Единственное упоминание в отчете А.К. Коровиной за 1972 г. касается обнаружения на территории совхозного сада на «Седьмом километре» значительного количества монет и обломков керамики, переданных затем в дар ГМИИ имени А.С. Пушкина. Сотрудники экспедиции произвели осмотр этого места, в результате было подтверждено наличие там древнего поселения, засаженного в то время фруктовым садом. В отчете приведены общая фотография полученных монет и их перечень (31 шт.) с определениями К.В. Голенко. Самая ранняя из монет относилась к последней четверти V в. до н.э., восемь – к концу III–II вв. до н.э., пять – к I в. до н.э., одна – к III в. н.э. и одна атрибутирована как татарская (Коровина 1972: 21–22; Сударев и др. 2014: 42).

Огромная работа по составлению археологической карты Таманского полуострова была проделана Я.М. Паромовым в 1980-е годы, в 1984 г. был обследован и памятник, получивший уже название «Тамань 3». Был собран подъемный материал, относящийся к VI в. до н.э. – III в. н.э. и X–XI вв. н.э., определены границы поселения по распространению подъемного материала, составлен топографический план (рис. 2). По данным аэрофотоснимков автором были выявлены признаки древней жилой застройки, отмечено присутствие необработанного камня. Я.М. Паромов определял памятник как сельское поселение античного и средневекового времени площадью ок. 23 га, размером 800×650 м, разделенное балкой Лисовицкого на две части: западную (ок. 9 га) и восточную (14 га) (Сударев и др. 2014: 42).

Следующий этап изучения памятника связан с именем Н.И. Сударева, в 2007 г. им были инициированы работы разведочного отряда под руководством О.Д. Чевелева в составе Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН. Было проведено визуальное обследование местности без шурфовки, сбор и картографирование подъемного материала, уточнены границы поселения (рис. 2). В результате обнаружено значительное число фрагментов амфор⁴, расписной и чернолаковой керамики VI–III вв. до н.э., более 100 пантикапейских, фанагорийских и амисских монет IV–I вв. до н.э., одна пантикапейская монета конца VI в. до н.э., светильники, наконечники стрел и другие индивидуальные находки. Отмечены заметные повреждения культурного слоя в результате распахивания. По мнению автора работ, на территории памятника располагалось несколько сельских усадеб античного времени (Паромов и др. 2007: 307; Сударев и др. 2014: 42–43).

С 2012 г. исследование памятника стало носить постоянный характер. В июле 2012 г. были выполнены топографо-геодезические работы с целью составления топографического плана объекта историко-культурного наследия в масштабе 1:1000 (Кузнецова 2016: 10–11). В 2013 г. на территории памятника Восточно-Боспорской экспедицией под руководством Н.И. Сударева были проведены раскопки в центральной и западной частях. Исследования выявили наличие и сохранность здесь культурного слоя, несмотря на многолетнюю глубокую распахивку. Были выделены слои, относящиеся к трем различным хронологическим периодам: 1) III–II вв. до н.э.; 2) конец II – начало I в. до н.э.; 3) средневековый, не ранее XIV в., возможно, и более поздний. В центральной части памятника были обнаружены остатки каменных архитектурных сооружений, сложенных из необработанного известняка и колотого плитняка. Авторы работ датировали данные конструкции концом II – началом I в. до н.э. и предположили, что это остатки каменного строения и, возможно, отдельно стоящей стены. В непосредственной близости от данного комплекса были обнаружены каменное известняковое ядро и два бронзовых наконечника стрел, фрагменты чернолаковой тарелки 100–86 гг. до н.э., в развале кладки – голова красноглиняной терракотовой статуэтки (Сударев и др. 2014: 43).

Вместе с тем, отмеченное авторами обилие во всех верхних штыках массового амфорного материала, чернофигурной, расписной и чернолаковой керамики конца VI–IV вв. до н.э. свиде-

⁴ Определения амфорного материала выполнялись С.Ю. Монаховым, работавшем в 2007 году на поселении Береговой 4.

тельствует об интенсивной жизни на поселении в данный период, хотя слои этого времени работами 2013 г. обнаружены не были. Многочисленность материала этого времени, вероятно, можно объяснить перемещенным характером грунта из других областей памятника (Сударев и др. 2014: 45).

В том же, 2013 году в центральной части памятника были проведены георадарные исследования, которые показали наличие значительного количества плотных объектов и системных изменений структуры почв на отдельных участках, соотнесение которых с археологическими объектами подтвердили раскопки в контрольном шурфе (Сударев и др. 2014: 45).

Начиная с 2015 г. исследования на памятнике стали проводиться Саратовским отрядом Восточно-боспорской экспедиции⁵. В 2015 г. был заложен небольшой раскоп (площадью 100 м²) в центральной части памятника, на пахотном поле (Кузнецова 2016; 2018: 215–217). В результате небольших работ были выявлены архитектурные остатки: две параллельные стенки, ориентированные по оси ЮВВ–СЗЗ. С восточной стороны кладки уходили в борт раскопа, с западной стороны были ограничены каменной вымосткой, выложенной крупными плоскими подтесанными камнями (рис. 3). В двух местах, с восточной и западной сторон, отдельные камни вымостки оказались «просажены». Вероятно, под ними находились хозяйственные ямы. Конструкция первоначально была продатирована второй половиной IV в. до н.э., может быть, началом III столетия. Однако на уровне залегания камней зафиксирована монета Диоскуриады 1-й трети I в. до н.э. (рис. 4 -1)⁶ Остальные монеты также датируются II–I вв. до н.э. Началом II в. до н.э. датируется и клеймо на ручке родосской амфоры, обнаруженное внутри помещения (рис. 4 -2). В связи с этим наиболее вероятной датой постройки является период II–I вв. до н.э.

Анализ находок показал, что подавляющее большинство составляют фрагменты амфор (81,5 %), второе место занимают фрагменты красноглиняных сосудов (12,4 %). На расписную и покрытую лаком керамику приходится всего 1,9 % всех находок, при этом большую часть составляют фрагменты краснолаковых сосудов. Лепная керамика представлена всего 47 фрагментами (1 %). Материалы относятся к эпохе античности и охватывают период с конца VI в. до н.э. по II в. н.э., большая часть находок датируется V–IV вв. до н.э. В связи с тем, что памятник многие годы подвергался распашке, в том числе плантажным плугом, верхние пласты представляют собой переотложенный грунт. Нетронутым можно считать слой, начиная с уровня залегания камней (-65 от современной дневной поверхности), представляющий собой светло-серый грунт (Кузнецова 2018: 216). Глубина культурного слоя до материка на данном участке памятника не была выявлена, т.к. кладки были законсервированы, раскоп засыпан. Планировалось продолжить исследование в 2016 году, однако такой возможности не представилось из-за проводящихся на данном участке сельхозработ.

В 2016 году для исследований был выбран новый участок на краю береговой террасы, за грабительной лесополосой (рис. 5). Был заложен небольшой раскоп, площадью 50 м². Этот участок был выбран не случайно, он находится на краю немытой террасы, на самой верхней её точке, относительно остальной части памятника, подъемный материал предполагал довольно активное его использование. Глубина культурного слоя здесь составила до 1,5 м, причем уверенно можно говорить не только о следах распашки, но и о перемещении грунта на этом участке, так как на глубине до 0,8 м от уровня современной дневной поверхности достаточно часто встречались современные металлические предметы. В одном из квадратов была зафиксирована яма, заглубленная в материк на 0,9 м. Грунт её заполнения серо-коричневый, рыхлый, с большим количеством

⁵ Все эти годы, начиная с 2013, С.Ю. Монахов руководил студенческой археологической практикой, исследовавшей поселение Тамань 3. В 2015–2017, 2019 гг. держателем открытого листа и руководителем полевых работ являлась Е.В. Кузнецова, в 2018, 2021 гг. – Н.Б. Чурекова.

⁶ Определение М.Г. Абрамзона.

золы, углей, костей и раковин. Материал был представлен фрагментами амфорной тары, красноглиняной и сероглиняной столовой и кухонной посуды, лепной керамики. По мере расчистки ямы было зафиксировано несколько прослоек камки и, возможно, развалов сырца. Амфорный материал из ямы датируется в широком диапазоне от V в. до н.э. до V в. н.э. с преобладанием фрагментов первых веков н.э. На самом дне ямы была обнаружена бронзовая фибула второй половины I - начала II в. н.э. (рис. 6) (Кропотов 2010: 131, рис. 42; Кузнецова 2019: 27–36 и далее). Материалы, обнаруженные в ходе работ на остальной площади раскопа, охватывают период с конца VI в. до н.э. по IV-V вв. н.э. с преобладанием более поздних находок.

В результате работ 2017 г., продолживших исследование участка 2016 года (рис. 5), были выявлены остатки двух каменных кладок и три хозяйственные ямы. Каменная кладка № 1, протяженностью 1,57 м при ширине 0,61 м, была зафиксирована на кв. 3 на уровне 0,8 м от дневной поверхности, ориентирована с СЗ на ЮВ (рис. 7). Немногочисленный сопутствующий материал не позволяет установить дату конструкции. Каменная кладка № 2 выявлена на кв. 5. Размеры: с СЗ на ЮВ – 2,6 м, с ЮЗ на СВ – 2,8 м. Предполагаемая дата – I в. н.э. (рис. 8). Яма № 2 на кв. 4 была слегка заглублена в материк. Содержала значительное количество материала, преимущественно первых двух веков н.э. Небольшая яма № 3 на стыке 3 и 4 квадратов содержала в основном фрагменты лепных сосудов первых веков н.э. (рис. 9). Еще одна яма первых веков н.э. – № 4 на кв. 3 – глубиной 1,1 м служила для сброса бытовых отходов, золы, мелкого мусора и ракушек, последовательная засыпь отчетливо прослеживается по стратиграфии. Материалы, обнаруженные в ходе работ на остальной площади раскопа, охватывают широкий хронологический период – с середины–третьей четверти VI в. до н.э. по конец III – начало IV в. н.э. с преобладанием предметов II–III вв. н.э. (Кузнецова 2017: 157–159, рис. 66–68).

В 2018 году было проведено сразу два вида работ, в том числе и в затопленной части поселения⁷. В результате подводно-археологических разведочных исследований удалось впервые провести полный визуальный осмотр и параметрическую съемку дна моря непосредственно примыкающего к наземной, уже известной части поселения. В результате под водой обнаружено три строительных комплекса. Два из них представляют собой свал тесно лежащих камней, покоящийся на материковой глине, а третий комплекс – это структура, состоящая из мелких фрагментов керамики и дресвы, которая непосредственно примыкает к устью балки Лисовицкого и напоминает собой своего рода отмель из выброшенной вешними водами керамики и мелких камней. Однако малая степень окатанности керамики и, возможно, сохранившийся в одном месте слой пепла позволяют судить об этой структуре как об искусственном сооружении. Все пространство между строительными комплексами полностью занесено слоем жидкого ила, величина которого растет по мере удаления от берега, скрывая под собой южные части строительных комплексов. Западная часть района поиска представляет собой плотные заросли морских трав, покоящихся на слое жидких илов, которые не позволяют визуально определить наличие остатков культурного слоя под ними. Отдельные, случайные предметы подъемного материала относятся к периоду античности и охватывают период с V века до н.э. по I век н.э., с преобладанием материалов V века до н.э. (Петровский 2022).

В том же году был начат и новый участок в северо-западной части поселения, на высокой немыйтой террасе (рис. 5). С восточной и западной стороны он окружен балками, которые в древности могли быть обводнены. Перспективность участка подчеркивало большое скопление подъемного материала и камней, причем фрагменты керамики фиксировались здесь как на самой террасе, так и у уреза воды и в море. К тому же, подводные работы показали, что подъемный ма-

⁷ Мы искренне благодарим В.М. Петровского за возможность обнародовать предварительные результаты его исследования. Отчет «Подводные археологические разведки у поселения «Тамань 3» в 2019 году» находится на завершающей стадии и скоро поступит в Научный архив ИА РАН.

териал встречается в северо-западной части поселения в довольно большом количестве, а также и далее в западном направлении после балки Лисовицкого. Вероятно, данный участок памятника функционировал, начиная со второй половины – последней четверти VI в. до н.э., никаких каменных конструкций, несмотря на надежды, в тот год выявлено не было. Поэтому было высказано предположение, что, если какие-то постройки на данном участке и имелись, то они находятся в стороне, а раскопанная часть использовалась только для хозяйственных нужд, о чем красноречиво свидетельствовали 4 исследованные ямы. Материал, относящийся к более позднему периоду – ко второй четверти – середине V в. до н.э. и единичные фрагменты более позднего времени, скорее всего, попали сюда случайно (Чурекова 2020: 24, 26).

Хозяйственные ямы дали очень интересный материал, впервые на памятнике были сделаны столь значимые находки (Кузнецова, Чурекова 2021: 236–239). Яма № 1 по форме овальная, в разрезе грушевидная, размеры 1,3×1,1 м, глубина до 0,75 м, сверху была перекрыта несколькими крупными камнями. В комплексе присутствовало довольно большое количество находок, самые ранние представлены фрагментами чернолаковой (ножка килика; Sparkes, Tallcot 1970: 262; 100, pl. 18, fig. 4) и расписной ионийской керамики, датирующимися 2/4 VI в. до н.э. (рис. 10 -1–3). Из амфорных фрагментов наиболее ранние экземпляры относятся к амфорам «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне» и клазоменским $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э. Большая часть амфорного материала (Хиоса, Лесбоса КГ, Клазомен, «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне») датируется концом VI – началом V в. до н.э.

Яма № 2 округлая по форме, с небольшим скосом внутрь в ЮЗ части. Заполнение ямы – рыхлый серовато-коричневый грунт, с большим содержанием золы, пещины, угля и органики. При небольших размерах ямы 1,64×1,6 м и глубине всего 0,2 м насыщенность материалом достаточно высокая, в сравнении с другими комплексами, самый ранний – фрагмент венца хиосской амфоры типа «с воронковидным» горлом последней трети VI в. до н.э. Основная часть фрагментов амфор («на сложнопрофилированном кольцевом поддоне» и Лесбоса КГ) датируется концом VI – началом V в. до н.э. Чернолаковая керамика: фрагмент венца килика и стенка закрытого сосуда, вероятно столовой амфоры, с чернофигурной росписью (рис. 10 -4) датируются концом VI – самым началом V в. до н.э.

Форма ямы № 3 близка к овальной, заполнение очень золистое, с большим количеством мелкой пещины, керамики и рыбьих костей. Датирующего материала крайне мало – всего 3 фрагмента венцов амфор: Лесбоса КГ и Милета последней трети VI в. до н.э., и Лесбоса КГ конца VI – начала V в. до н.э.

Самые интересные находки происходят из ямы № 4. Форма её овальная, вытянутая с СЗ на ЮВ, в разрезе – грушевидная сверху была перекрыта развалом сырцового блока. Амфоры представлены исключительно продукцией Лесбоса (рис. 11 -1, 2). Верхняя часть красноглиняной амфоры с валикообразным венцом, под которым высокий уступ, горло короткое, слегка расширяющееся книзу морфологически близка амфоре из ямы № 137 некрополя Кеп (Кузнецов 1992: 41, рис. 8 -4; Монахов и др. 2020: 115, LG.2), но имеет красный цвет глины. Близкие красноглиняные сосуды отличаются меньшей высотой уступа под венцом и в совокупности датируются серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. (Монахов 2003: 260, табл. 30 -1, 2; Dupont 2005: 52, № 40; Буйских, Монахов 2009: рис. 4 -2; Sezgin 2012b: Kles2.01, 2.07). Верхняя часть второй лесбосской амфоры из ямы № 4 имеет разный цвет глины – на поверхности она тёмно-серая, внутри черепка красная. У неё массивный валикообразный венец, короткое, сужающееся книзу горло с четким переходом к плечам; уступ под венцом отсутствует. Наиболее близкий экземпляр происходит из раскопок Б.В. Фармаковского некрополя Ольвии и датируется серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. (Монахов 2003: 257, табл. 27 -3; Монахов и др. 2019: 101, LG.3). Хронология венцов лесбосских амфор из ямы охватывает период с третьей четверти VI по начало V в. до н.э.

Помимо амфор, из ямы № 4 происходят столовая амфора, возможно, клазоменского производства последней четверти VI в. до н.э. (Uzun 2007: 327, fig. 5) (рис. 11 -3) и фрагмент сероглиняной хозяйственной леканы с черным покрытием, возможно производства Эолии (рис. 11 -4). Остальная ионийская расписная керамика датируется в основном второй четвертью – серединой VI в. до н.э., хотя некоторые фрагменты заходят и в конец VI – начало V в. до н.э.

В 2019 году исследования данного участка были продолжены, площадь раскопа на момент начала работ составляла 75 м² и являлась прирезкой с запада к раскопу предыдущего сезона. В ходе изучения площадь была расширена и в итоге составила 150 м². Исследования были доведены до материка лишь частично – на площади в 50 м². Здесь были выявлены две хозяйственные ямы (№ 5, 6), содержавшие сильно фрагментированные материалы последней трети VI в. до н.э. – самого начала V в. до н.э. Заполнение представляло собой серо-коричневый грунт с включениями золы, ракушек и фрагментов керамики. Грунт перемежался слоями очень плотного, твердого желто-коричневого суглинка, не содержавшего материала. На дне одной из ям (№ 6) была обнаружена каменная зернотерка, разбитая на четыре части, но лежавшая в анатомическом порядке. Материал, выявленный в ходе раскопок 2019 г., охватывает широкий хронологический период – с конца архаики до римского времени. Основная его часть приходится на последнюю треть VI в. – первую половину V в. до н.э. Более поздние предметы обнаружены в небольшом количестве.

На остальной, оставшейся в тот год не доисследованной, площади раскопа были выявлены строительные остатки. Они представляли собой ЮВ угол фундамента какого-то помещения или здания, стены которого были ориентированы по линии ЮЗ–СЗ и уходили в западный и северный борта. В кладке были использованы различные камни, как обработанные, так и нет; встречалась крупная галька. Объект явно не античный, в нем использовался красный кирпич, среди камней встречены железные изделия, под кладкой сделана подсыпка. Характер здания был не ясен и требовалась консервация раскопа для дальнейших исследований. В 2021 году работы были продолжены, выяснилось, что постройка очень поздняя, вероятно конца XIX или XX столетия, не имеет отношения к античному времени. Предположительно она служила хозяйственным нуждам располагавшегося здесь отделения совхоза, точное предназначение конструкции остается неизвестным.

Весь раскоп 2021 года был связан с исследованием поздней постройки, однако насыщенность слоя не занятого конструкцией все-таки была также довольно высока. Наиболее ранние фрагменты керамики относятся к третьей четверти VI в. до н.э., самый поздний фрагмент (из античных) к I в. до н.э. – I в. н.э. Основная масса находок датируется второй четвертью V в. до н.э. При строительстве данной постройки явно были использованы материалы античного времени, включая перемещенный сюда грунт, содержащий множество керамических и прочих фрагментов VI–IV в. до н.э. Учитывая то обстоятельство, что в предыдущие годы на этом участке раскопа слой шел достаточно однородный, как раз этого времени, можно предположить, что и античная постройка того же времени находилась где-то поблизости, в дальнейшем же цоколь от нее был выбран на камень для строительства данной конструкции, а грунт перемещен при выравнивании участка (Чурекова 2022: 41).

За годы исследований накопилось достаточно амфорных находок, позволяющих сделать некие предварительные выводы по распределению материалов по центрам производителям, хронологии и по участкам памятника. Наибольшее количество профильных частей амфор (учитывались только ножки и венцы) принадлежит производству Хиоса – 173 фрагмента, неустановленного центра, выпускавшего т.н. «протофасосские» сосуды – 76, Лесбоса – 73, Синопы – 30, Фасоса – 25, Менды – 21, Клазомен – 14, Милета – 11, остальные представлены образцами от 2 до 5 экземпляров. Амфоры более позднего периода представлены следующими типами: «светлоглиняные узкогорлые» (Зеест 1960: 164, табл. XXVIII -64) – 12, «красноглиняные с клювовидным венцом» (Зеест 1960: 164, табл. XXX -73) – 13, «красноглиняные с воронковидным горлом» – 20.

Разделив памятник на три участка по расположению и периоду раскопок, видно, что хронологически все они разные. Для удобства дадим участкам условные обозначения: Участок А – 2015 г., участок Б – 2016–2017 гг., и, наконец, участок В – 2018–2021 гг. Из 636 профильных фрагментов на участке А обнаружено 96 экз., Б – 256 экз., В – 284 экз. (см. табл. 1). При этом насыщенность находками не связана с площадью раскопок: на участке Б наибольшее количество фрагментов амфор, но по размерами он меньше участка В.

Хронологически материал разделяется следующим образом: участок А в большей степени насыщен фрагментами со второй четверти V в. до н.э. до первой половины III в. до н.э. Самые ранние амфорные находки, происходящие оттуда датируются последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н.э., самые поздние (единичные) заходят во II–III в. н.э. Преобладающее количество материала на участке А относится к V в. до н.э. – 51 % (табл. 1). На участке Б мы наблюдаем наибольший хронологический разброс – слои были довольно насыщены амфорным материалом, датирующимся начиная с первой четверти V в. до н.э., однако 56,6 % всех профильных частей амфор относится к периоду с I в. до н.э. по IV в. н.э. Складывается впечатление, что на протяжении V–III вв. до н.э. этот край террасы практически не был затронут хозяйственной деятельностью и лишь в более позднее время территория поселения захватывает и его. Участок В самый большой по площади, основной массив материала приходится на VI–V вв. до н.э. – 92 % (табл. 1). Совсем позднего, неантичного материала на всех участках крайне мало.

Что касается чернолаковой и расписной керамики то в процентном соотношении на всех трех участках её совсем немного от 0,5 до 2 %, амфорных фрагментов, для сравнения, от 57 до 85 %. Расписной и чернолаковой керамики, датирующейся ранее V в. до н.э. нет только на участке А, однако, напомним, что он не был исследован до материка.

В целом, можно говорить о том, что участок А на сегодняшний день является наиболее перспективным для исследований, так как содержит остатки жилых строений, однако его изучение затруднено постоянной сельскохозяйственной деятельностью на этой территории. По всей видимости, наиболее ранним является участок В, исследование его намечено на ближайшие полевые сезоны, но и здесь встречены довольно серьезные трудности, прежде всего, сильная замусоренность и присутствие здесь, по всей видимости перемещенного грунта. Выявленные следы строительства конца XIX или начала XX века вне всяких сомнений сильно повредили культурный слой и привели к серьезному смешению материалов разных хронологических периодов. Вместе с тем, сохранившиеся хозяйственные ямы, относящиеся к периоду архаики и ранней классики представляют огромный интерес, так как в них выявлены керамические изделия крайне редко встречающиеся на территории Азиатского Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский 1959 – Блаватский В.Д. 1959. Пятый год работы в Синдике. КСИИМК (74), 47–48.
- Горошников 2017 – Горошников А.А. 2017. *Отчёт о проведении археологических исследований (разведок) в зоне строительства второй нитки водоводов от РЧВ на горе Чиркова до РЧВ в районе станицы Тамань и резервуаров чистой воды Таманского грунтового водопровода в Темрюкском районе Краснодарского края*. В двух томах. Научный архив ИА РАН.
- Зеест 1960 – Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора / МИА (83)*. – 179 с., ил.
- Коровина 1972 – Коровина А.К. 1972. *Отчёт о раскопках Гермонассы – Тмутаракани за 1972 г.* Архив ИА РАН.
- Кропотов 2010 – Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДФУ-Украина. – 384 с.
- Кузнецова 2016 – Кузнецова Е.В. 2016. О проведении археологических исследований на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края по Открытому листу № 628. Саратов. НА ИА РАН.
- Кузнецова 2017 – Кузнецова Е.В. 2017. Отчет о проведении археологических исследований на поселении Тамань 3в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 году по Открытому листу № 760. Саратов. НА ИА РАН.
- Кузнецова 2018 – Кузнецова Е.В. 2018. Исследования на поселении Тамань 3 в 2015–2016 гг. АО (2016), 215–217.

- Кузнецова 2019 – Кузнецова Е.В. 2019. Отчет о проведении археологических исследований на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2017 году по Открытому листу № 748. Саратов, 2017 г.
- Кузнецова, Чурекова 2021 – Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. Исследования на поселении Тамань 3 в 2018–2019 гг. *АО 2019 год*. 236–239
- Монахов 2003 – Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. – 352 с.
- Монахов и др. 2019 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Амирит. – 218 с.
- Монахов и др. 2020 – Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. 2020. *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов: Амирит. – 218 с.
- Паромов 2019 – Паромов Я.М. 2019. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 1 (конец XVIII – начало XX вв.). *БИ (XXIX)*, 343–377.
- Паромов и др. 2007 – Паромов Я.М., Сударев Н.И., Чевелев О.Д., Безматерных А.Е. 2007. Работы разведочного отряда Восточно-Боспорской экспедиции. *АО 2007 года*, 307.
- Соколов 1919 – Соколов В.В. 1919. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. *ИТУАК (56)*, 39–59.
- Сударев и др. 2014 – Сударев Н.И., Чевелев О.Д., Клемешова М.Б. 2014. Работы на поселении Тамань 3 («7-й км») в 2007 и 2013 гг. *Таврические студии. Исторические науки (6)*, 41–46.
- Тункина 2010 – Тункина И.В. 2010. История изучения. *Античное наследие Кубани (I)*, 20–129.
- Чурекова 2020 – Чурекова Н.Б. 2020. Отчет о проведении археологических раскопок на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2018 году по Открытому листу № 104. Саратов. НА ИА РАН.
- Чурекова 2022 – Чурекова Н.Б. 2022. Отчет о проведении археологических полевых работ на поселении Тамань 3 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2021 году по Открытому листу № 0224-2021. Саратов. НА ИА РАН.
- Sparkes, Talcott 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora (XII/I, II)*. Princeton (New Jersey): American School of Classical Studies at Athens. – 472 p., 19 fig., 100 pl.
- Uzun 2018 – Uzun K. 2018. Clazomenian Wave-Line Pottery. *Archaic and classical Western Anatolia: new perspectives in ceramic studies*. Leuven; Paris; Bristol. P. 315–344.

Таблица 1. Распределение профильных амфорных фрагментов по участкам памятника

Условный период	Участок А	Участок Б	Участок В
VI в. до н.э.	5	4	100
V в. до н.э.	49	46	162
IV в. до н.э.	27	36	19
III–II вв. до н.э.	12	28	2
I в. до н.э. – IV в. н.э.	3	145	1
Всего	96	256	284

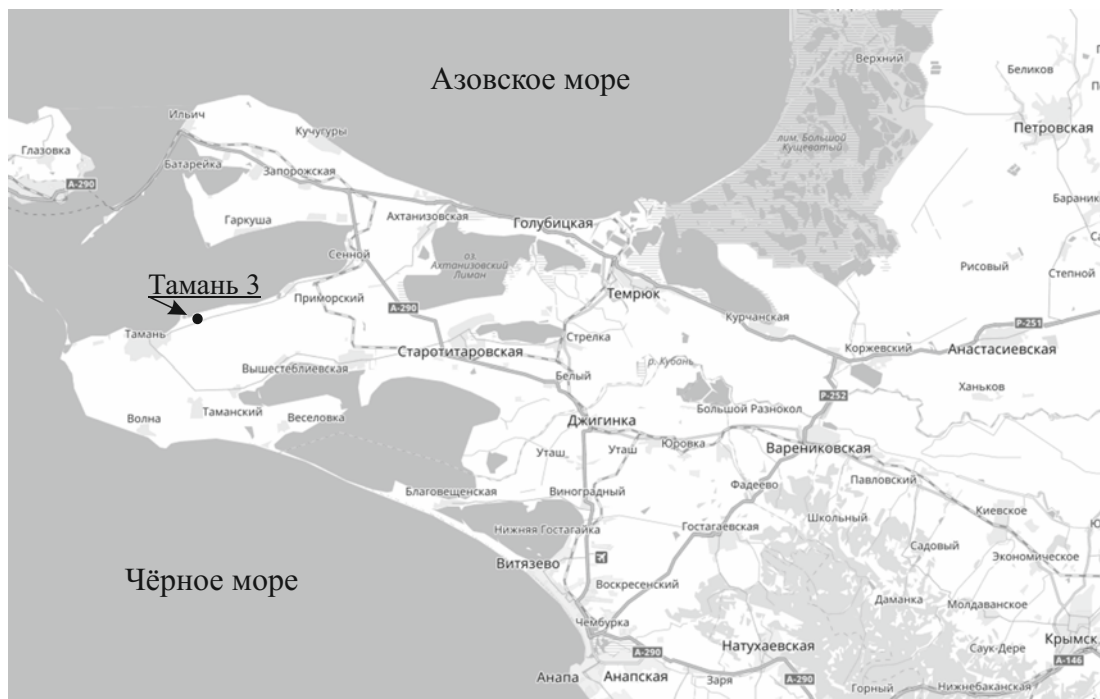

Рис. 1. Поселение Тамань 3 на карте Таманского полуострова

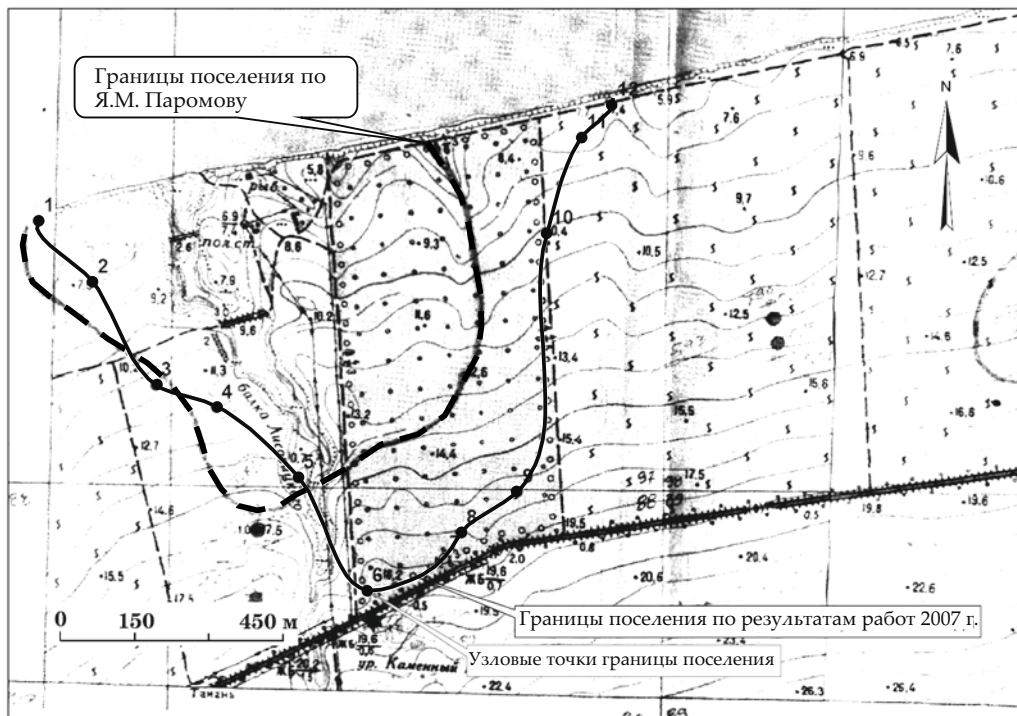

Рис. 2. Границы поселения Тамань 3 по Я.М. Паромову и по О.Д. Чевелеву.

Рис. 3. Кладка вымостка на участке А.

Рис. 4. Монета Диоскуриады и клеймо на амфоре Родоса из раскопок 2015 г.

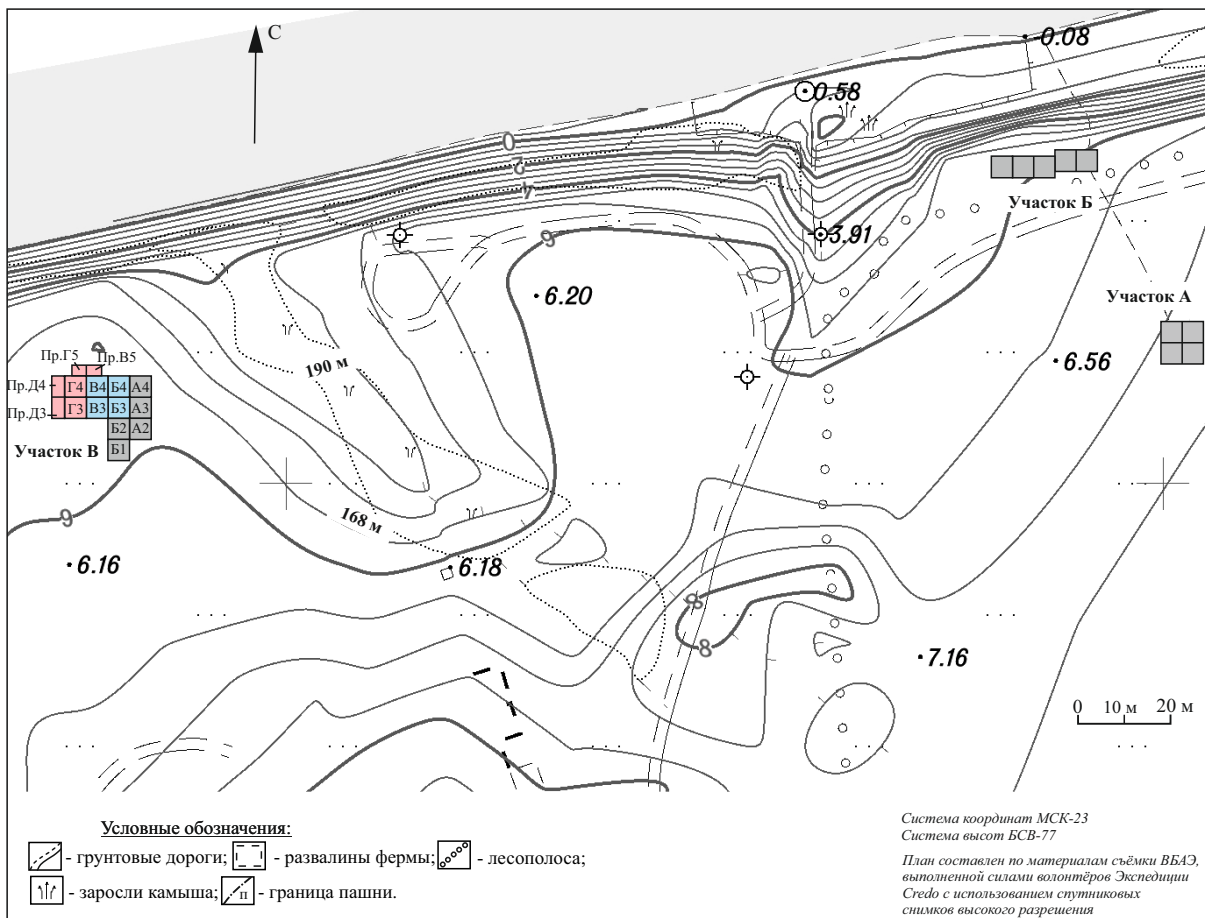

Рис. 5. Топографический план поселения Тамань 3 с отмеченными раскопками 2015–2021 гг.

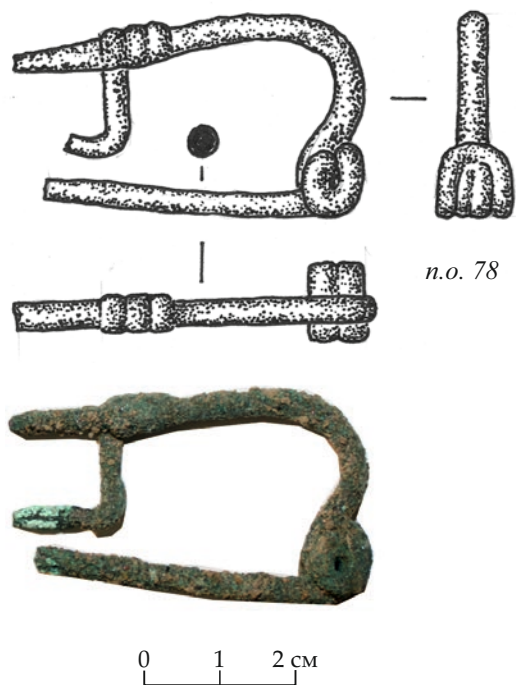

Рис. 6. Бронзовая фибула из ямы, раскопки 2016 г.

Рис. 7. Кладка № 1 на участке 2017 г.

Рис. 8. Кладка № 2 на участке 2017 г.

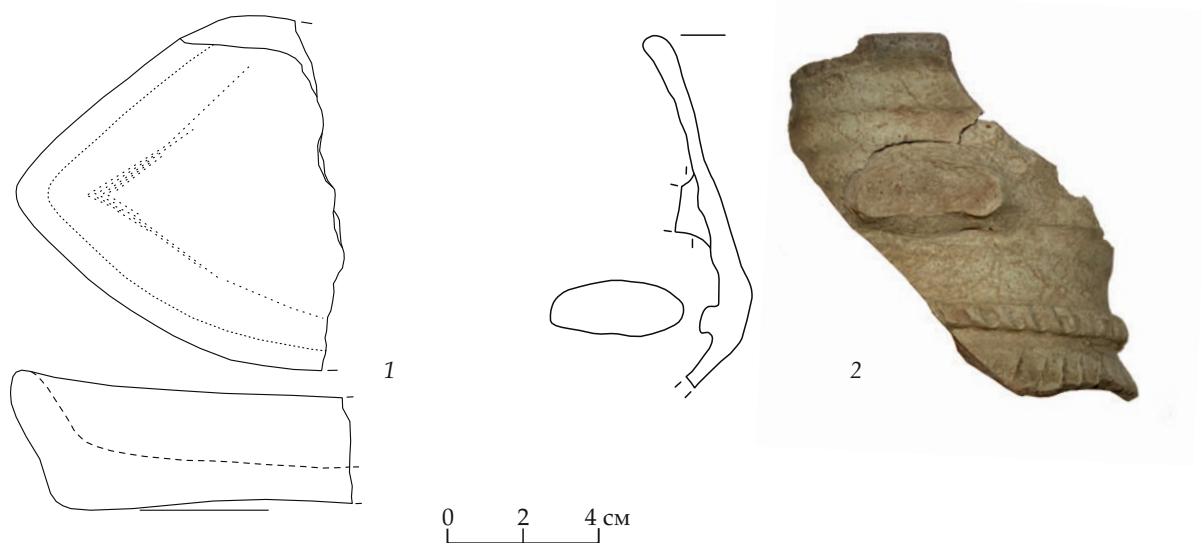

Рис. 9. Ладьевидный лепной светильник (1) и горло сероглиняного кувшина (2) из ямы 3, раскопки 2017 г.

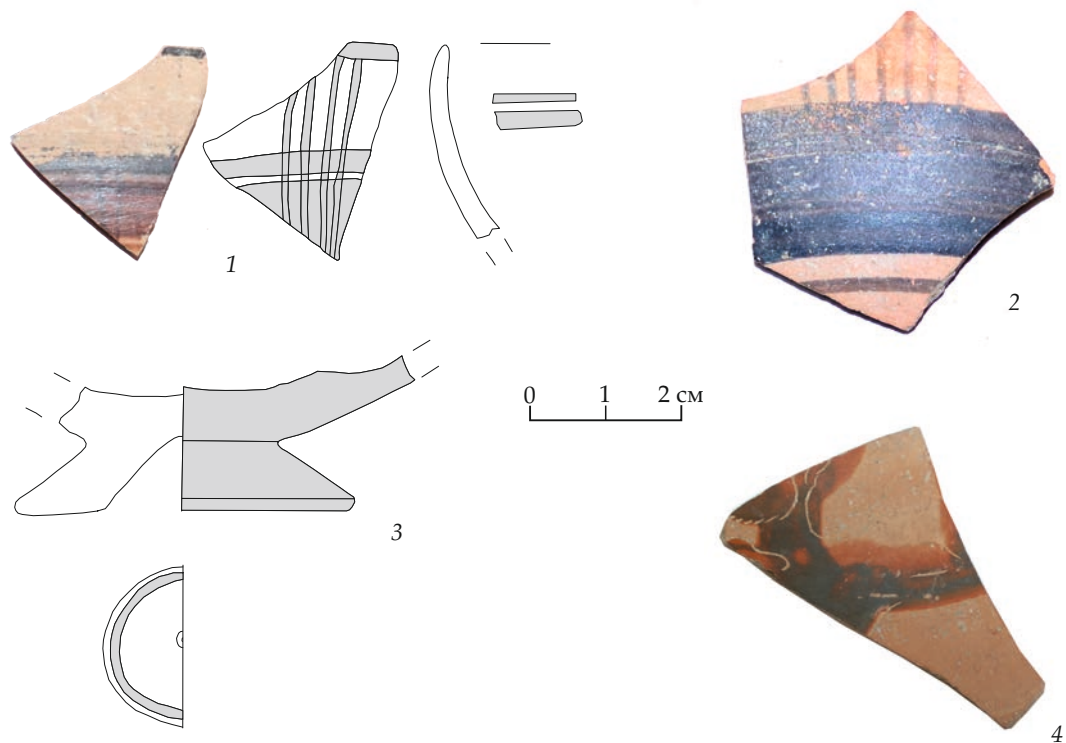

Рис. 10. 1–3 – находки из ямы 1; 4 – стенка амфоры с чернофигурной росписью из ямы 2, раскопки 2018 г.

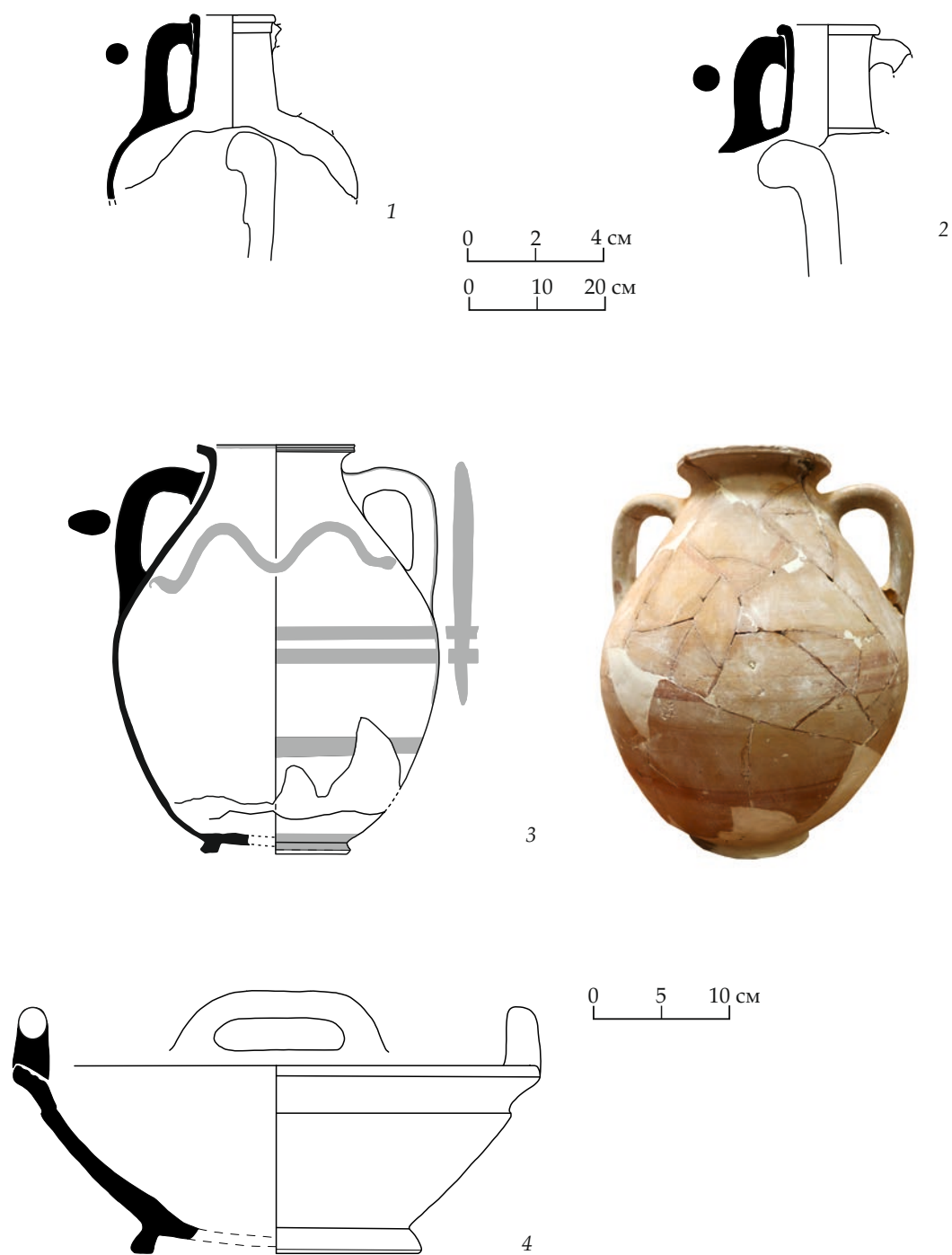

Рис. 11. Находк из ямы 4, раскопки 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	11
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О С.Ю. МОНАХОВЕ	15
СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА МОНАХОВА	33
АЛЕКСЕЕВ А.Ю. (Санкт-Петербург) Писистрат Чертомлыкский. К истории одного амфорного клейма.....	41
BUZOIANU L. (Constanța) Herakleian amphorae with stamps from Dobruja	49
БУТЯГИН А.М. (Санкт-Петербург) Фрагменты гарных амфор из раскопок Павловского кургана.....	59
ВИНОГРАДОВ Ю.А. (Санкт-Петербург) О составе керамического комплекса поселения Фонтан 6 в Восточном Крыму.....	72
ГРУМЕЗА Л., КОЖОКАРУ В. (Яссы) «В тени Рима»: несколько замечаний о народах и римских находках в районе Восточных Карпат	80
DUPONT P. (Lyon) Jars of Lesbian types from the Clazomenian necropolis of Abdera. Preliminary determination of origin.....	97
ЕГОРОВА Т.В., ЖУРАВЛЁВ Д.В. (Москва) О двух медальонах на эллинистических «каленских чашах» из Пантикапея	108
ЕГОРОВА Т.В., ИЛЬИНА Т.А., ИЛЬЯШЕНКО С.М. (Москва) Об одном уникальном сосуде из раскопок памятника археологии «Усадьба Воскресенское 2»	116
ЕФРЕМОВ Н.В. (Штральзунд), КОЛЕСНИКОВ А.Б. (Москва), БОЛОНКИНА Е.В. (Керчь) Примечания к синопским фабрикантским керамическим клеймам I (клейма с титулом κεραμεύς)	127
ЖИТНИКОВ В.Г. (Ростов-на-Дону) Курган IV в. до н.э. Ливенцовского могильника	164
ЗАВОЙКИН А.А. (Москва), ПАВЛИЧЕНКО Н.А. (Санкт-Петербург), ЧАШУК М.С. (пос. Сенной) Еще один подвал на акрополе Фанагории (вопросы хронологии)	180

CASTELLI T. (Paris)	
Iphis, from amphora stamp to Sinopean myth	199
КАЦ В.И. (Саратов)	
Керченская селёдка на сайте, посвященном греческим амфорам и клеймам	203
КОВАЛЕНКО А.Н. (Ростов-на-Дону)	
Кровельная черепица из материалов Елизаветовского городища на Дону	213
КОЛТУХОВ С.Г. (Симферополь)	
Крымские погребения группы "КК" в классический период	224
КУЗНЕЦОВА Е.В.,	
ЧУРЕКОВА Н.Б. (Саратов)	
Античное сельское поселение «Тамань 3»:	
предварительные итоги исследований 2015–2021 гг.	238
LAWALL M.L. (Canada)	
Virginia Grace and Joseph Brashinsky on Samian amphoras	252
ЛИМБЕРИС Н.Ю.,	
МАРЧЕНКО И.И. (Краснодар)	
Комплексы с амфорами «Прикубанской» серии	
из могильников городищ Старокорсунского № 2 и хут. Ленина № 3	268
ЛОМТАДЗЕ Г.А. (Москва)	
Транспортные амфоры и их фрагменты	
из раскопок поселения «Ахтанизовская 4»	283
LUNGU V. (București)	
Tomis, un etablisement grec a l'ouest du Pont Euxin.....	302
LUND J. (Copenhagen)	
A comparative study of the Rhodian and Knidian	
fabricants in the 2 nd century BC	316
МАТЕРА М. (Варшава),	
НАУМЕНКО С.А. (Ростов-на-Дону)	
О ёмкости родосских амфор, их стандартизации	
и объёме родосского импорта в Танаис	326
МЕДВЕДЕВ А.П. (Воронеж)	
Античный импорт в варварском мире:	
опыт классификации по происхождению	
(на материалах из курганов лесостепного Дона)	344
НОВИЧЕНКОВА Н.Г. (Ялта)	
Терракотовая маска с изображением Диониса	
из святилища у перевала Гурзуфское Седло	354
РЯБКОВА Т.В. (Санкт-Петербург)	
Восточно-греческая керамика в материалах	
поселения Тарасова Балка в Закубанье	362

СЕКЕРСКАЯ Н.М. (†), БРУЯКО И.В. (Одесса) Чернолаковая керамика из раскопок городища Каргал на Нижнем Дунае.....	376
СТОЯНОВ Р.В. (Москва) Несколько замечаний о контексте находок транспортных амфор из раскопок херсонесского некрополя, проводившихся под руководством ИАК.....	393
STOYANOV T. (Sofia) New data about the Mesambrian early Hellenistic amphorae with the stamps in the name of ΑΝΤΙΦΙΛΟΣ.....	399
УШАКОВ С.В. (Севастополь) Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из Херсонеса: основные проблемы изучения.....	408
FILIS K. (Patras) Amphoras at the Parthenos sanctuary (Neapolis – Kavala): economy and cult the presence of transport containers.....	425
ЧИСТОВ Д.Е. (Санкт-Петербург) Клейма на «протофасосских» амфорах в позднеархаических контекстах Березанского поселения.....	441
ШАШЛОВА Т.Ю. (Саратов) Местное население в греческих полисах Южного Причерноморья в VI–IV вв. до н.э.	451
ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В. (Москва) Мраморная чаша с надписью из Херсонеса.....	462
ЯЙЛЕНКО В.П. (Москва) Заметки к сводам ольвийских граффити.....	467